

М.И. Буровар 2000—28 мая—С. 19

19

Александр НОВИКОВ: «Меня знает весь уголовный мир»

Ольга МУХИНА

На криминального авторитета Александр Новиков похож даже внешне — двухметрового роста, косая сажень в плечах, кулачища величиной с дыню. С таким в темном переулке... Бррр... Лучше не надо!

— Да вы присаживайтесь, — между тем любезно приглашает известный исполнитель блатных песен в жанре городского романа, — а то все говорят, что у меня взгляд тяжелый.

— Должно быть, это помогло вашему общению с окружающим миром в местах не столь отдаленных?

— Там я не пользовался никакими привилегиями. Лагерь есть лагерь. Приходилось и бить, и воевать, и до поножовщины дело доходило. В лагере человек не может жить одиночкой, по признаку землячества «свой» держится друг к другу поближе. А если держишься какого-то коллектива и из этого коллектива кого-то ткнули ножом, то надо идти и защищать этого человека. И я это делал, как любой другой обыкновенный заключенный.

— Что послужило причиной вашего ареста?

— Послужили песни. Вышел альбом «Вези меня, извозчик», который шел вразрез с общепринятой государственной идеологией, этим идиотизмом, возведенным в ранг государственной политики. На мои песни система отреагировала очень жестко и быстро. Меня арестовали в Свердловске 5 октября 1984 года прямо на улице. Я открывал дверь своей машины, вдруг налетели четыре человека в штатском, вывернули руки, захлестнули в другую машину и повез-

ли в управление внутренних дел Свердловской области. Там передо мной положили такой документ, который назывался «Экспертиза по песням Александра Новикова». Он представляет собой своеобразные рецензии на все восемнадцать песен из альбома в совершенно гнусном оскорбительно-пасквильном тоне. К ним прилагалась заключительная рецензия по всему моему творчеству, слово «творчество» взято в кавычки. На память помню только одну цитату: «Автор вышеупомянутых песен нуждается если не в психиатрической, то в тюремной изоляции наверняка».

— Арест был для вас полной неожиданностью или вы понимали, что рискуете?

— Я знал прекрасно, что рано или поздно это случится. Революция либо

есть, либо нет. А подпольная борьба — это шипение на кухне, перемалывание костей существующему режиму и тайное подкладывание каких-нибудь листовок. Либо надо выходить с открытым забралом. Я выбрал второе, за это и пострадал. Впрочем, я ничуть не переживаю, зная, что смена режимов всегда происходит с трудностями и риском. Я не мог смириться, как человек, не потерявший честь и достоинство, я не мог ходить строем, никогда не был в комсомоле, и никакими силами меня не могли заставить согласиться с этой гнусной идеологией.

— По какой статье вас осудили?

— Так как за песни много дать было невозможно, то стали искать, за что бы посадить на дольше. Я занимался изготовлением и сбытом, как сказано в приговоре, музыкальной аппаратуры. В то время это был незаконный бизнес. Сейчас таких терминов, как «фарцовка» и «спекуляция», уже нет. А раньше, когда надо было, даже государственная машина пользовалась «фенеи». Наковыряли на меня компромат и дело сфабриковали таким образом, что якобы я изготавливаю аппаратуру и выдаю ее за фирменную, совершая таким образом мошенничество. Хотя принять ее за фирменную могли только круглые идиоты или эксперты следственной группы. На самом деле я делал дома усилители и колонки для электрогитар. Это было достаточно качественное оборудование, некоторые образцы работают до сих пор. И уж, конечно, качество превышало качество советской аппаратуры, которая в то время была полным дерьмом и не выдерживала никакой критики. Импортная была очень дорогой

и в страну не завозилась. Поэтому успехом пользовалась аппаратура, которую изготовлял я и сотоварищи.

— Каким был ваш приговор?

— Мне дали десять лет. Два года я провел под следствием и шесть лет — в тюрьме на лесозаготовке в болотах на севере Свердловской области. Лагерь, в который я попал, назывался учреждением М-242/2 и был основан в 1937 году исключительно для врагов народа. Этот лагерь прошли многие известные люди, и многие свою жизнь там закончили. Освободили меня досрочно точно так же неожиданно, как схватили тогда на улице. Я не писал никаких покаянных бумаг и конституционных жалоб и не признал себя виновным. А в 1995 году мой приговор был отменен Верховным судом Российской Федерации за отсутствием в моих действиях состава преступления. Меня даже в курс дела не ввели, это все было стыдливо и хитро спущено на тормозах.

— Отношения между заключенными похожи на те, которые показывают в кино?

— Все эти фильмы — это собачья чушь. Тем более все, что поставлено нашими режиссерами, не имеет никакого отношения к действительности. Насчет американских я не знаю, я в американских тюрьмах не был. Но наши — это бред сивой кобылы, над этим все смеются. Я имел определенное уважение, меня знала вся исполнительная система, и весь уголовный мир меня знал и знает до сих пор. Но в лагере нет героев, там изначально все поставлено в равные условия, и то, как ты сумеешь выжить, зависит только от тебя. Тюрьма — это достаточно большая и тяжелая штука.

— Как этот период повлиял на вашу жизнь?

— Любой здравомыслящий человек из любой ситуации вынесет для себя полезный опыт. Песни о тюрьме у меня, у единственного, настоящие. Все остальное — это абстрагированные перепевки на тюремные темы. В них нет самого главного — боли. Все псевдоблажающие, которым сейчас нет числа, стоят сейчас три копейки. Та же цена и их творчества.

— Сейчас, когда на дворе гласность и петь о правительстве неинтересно, в каком направлении вы работаете? Что-то не видать вас в последнее время.

— Не хватало, чтобы я при всех своих сединах и заслугах занимался раскруткой, как Никита. Заниматься этим нужно тому, кто еще ничего не совершил, у кого нет биографии. А я был обличающим, когда нельзя было обличать. Когда это делать стало можно, обличающих стало очень много. А я сейчас пишу песни о любви, о красивых девушках. Недавно выпустил юбилейный альбом «Извозчику пятнадцать лет» — концерт с большим симфоническим оркестром. Впрочем, в этом году я записал альбом «Стенка», который полностью посвящен нынешней кремлевской администрации и лично Борису Николаевичу, который, кстати, подложил мне свинью, уйдя в отставку до выхода альбома.